

Шань Можань прилежно исполнял роль образцового учителя у доски, в то время как во втором ряду Ань Цзин, мирно посапывая, наслаждалась колыбельной, погружившись в сладкий сон.

Шань Можань, бросив мимолетный взгляд на девушку, испытал жгучую зависть. Учитель постучал мелом по доске, но ученица Ань даже не шелохнулась.

— Ученица Ань, — мягко позвал Шань Можань.

Ань Цзин, сквозь сон услышав свое имя, с трудом оторвала голову от парты.

— М-м? — отозвалась она, и в ее голосе сквозила сонная лень. Волосы растрепались, глаза подернулись туманом, и в этот редкий момент она выглядела удивительно послушной.

— Не забудь: две тысячи слов объяснительной, на английском языке, сдать завтра.

Глядя на ошарашенное, растерянное лицо девушки, Шань Можань ощутил тайное удовлетворение. Все-таки наставлять учеников на путь истинный — занятие, приносящее огромное чувство выполненного долга.

— И еще, собери домашнюю работу и отнеси в мой кабинет.

У Шань Можаня был отдельный кабинет — просторный и светлый, специально подготовленный школьной администрацией. В конце концов, чтобы получить небольшие привилегии, он совершил немало добрых дел, тронувших сердце директора, например, пожертвовал средства на строительство библиотеки.

Ань Цзин, прихватив не слишком тяжелую стопку тетрадей, вошла в кабинет. Положив их на стол, она помедлила, но не ушла.

— Сколько еще ждать? — невнятно спросила она, но оба прекрасно поняли, о чем речь.

Шань Можань взял со стола термос и отпил чаю.

— Еще месяца три. Молодой человек, не стоит так торопиться.

Чем дольше Ань Цзин общалась с Шань Можанем, тем яснее понимала, что его внешнее спокойствие и утонченность совершенно не вяжутся с его истинным характером.

Она до сих пор помнила его слова, сказанные тогда на императорской кухне: Первый человек — это демонстрация, остальных оставляю тебе, справляйся сама.

В тот момент он походил на бога, играющего судьбами, как фигурами на доске: высокомерный, уверенный в своей власти над происходящим.

Хотя она была еще юна, ей довелось многое пережить и повидать немало людей.

Всех встреченных ею можно было разделить на две категории. Одни, вроде Ань Жуйюя, — по большей части подростки — напоминали смесь красного и желтого: мечты, стремления, кипучая энергия, любовь к жизни. Другие, составлявшие большинство, казались серыми — столкновением черного и белого. В них добро и зло уживались вместе, они вроде бы имели мечты, но вечно пребывали в каком-то полузабытьи.

Она не знала, какими цветами описать Шань Можаня. Он напоминал картину, написанную густыми, сочными мазками, — странное полотно кисти великого мастера. Порой в нем проглядывало сострадание, порой — безразличие, а порой — страсть.

Шань Можань взглянул на погруженную в свои мысли Ань Цзин, но промолчал. Он достал учебники и пособия, начав готовиться к уроку с тем рвением, которое свойственно лишь глубоко сознательному учителю английского языка в выпускном классе.

Заметив, что Ань Цзин пришла в себя, он протянул ей толстую пачку контрольных работ. Девушка не сразу поняла, в чем дело, и машинально переспросила:

— А?

— По одному листу в день. Сделаешь — приноси мне, я проверю, а ты выпишешь незнакомые слова и грамматические конструкции.

Ань Цзин опустила взгляд на тесты, которые она приняла на автомате, и ощутила на себе всю тяжесть пылкой учительской любви. Бумага словно жгла руки, а мелкие, плотные строчки английского текста казались ей извивающимися головастиками.

Внутри у Ань Цзин все протестовало, лицо невольно исказилось в гримасе.

— Учитель Шань, может, не надо? — она попыталась выдавить из себя вежливую улыбку, хотя всем своим видом выражала отказ.

— Не стоит благодарности, — парировал учитель Шань.

Ань Цзин лишь досадливо поморщилась.

Шань Можань проводил взглядом уходящую Ань Цзин. Ей вслед, казалось, плыло грозное облако.

Пусть лучше займется тем, что положено делать ученикам, чем целыми днями ломает голову над тем, как приблизить события, которым еще не пришло время.

<http://bllate.org/book/20368/2037534>